

The background of the cover is a dark, textured, reddish-brown surface, possibly a piece of fabric or a wall. In the lower half, there is a large, dark, metallic, and highly detailed object that resembles a skull or a piece of armor, with sharp, pointed edges and intricate carvings. The lighting is dramatic, highlighting the metallic sheen and the texture of the background.

DIABLO[®]

IMMORTAL[™]

ИНСТИНКТЫ

РАССКАЗ РАЙАНА
КУИННА

Автор
РАЙАН КУИНН

Иллюстрации
ЧӨН САНСУ

Редакция
ХЛӨЯ ФРАБӨНИ

Консультации по истории вселенной
МАДИ БАКИНГЕМ, ИЭН ЛАНДА-БИВЕРС

Творческая консультация
МАК СМИТ, СЕБАСТЬЯН СТЕМПЕНЬ

Публикация
БРИАННА МЕССИНА, КАРЛӨС РЕНТА

Дизайн
КӨРИ ПИТЕРШМИДТ

Особая благодарность
ӨТИСУ БЛЮМУ, ДЖАСТИНУ ДАЮ,
СКӨТТУ ШИКӨФФУ, МЭТЬЮ БЕРГЕРУ И
РАЗРАБӨТЧИКАМ КӨМАНДЫ DIABLӨ
IШПӨRTAL — НЫНЄШНИМ И БЫВШИМ — ЗА
ПРИТӨК СВЕЖЕЙ КРӨВИ В САНКТУАРИЙ

BILZARD
ENTERTAINMENT

ИНСТИНКТЫ

С наступлением сумерек восточный Кингспорт будто вымирал. Алоди привыкла к тому, как все внезапно исчезало с улиц, но всякий раз опустевший город все равно тревожил ее.

Она целеустремленно шагала вдоль дороги, до того зажатой домами, что та напоминала скорее туннель. Протянувшись по склону вниз, она растворялась вдалеке во тьме. По обеим сторонам громоздились старые деревянные хижины, гниющие от сырости. Их столько раз дробили и перекраивали, что превратили в бесконечный ряд лачуг и каморок, где в страшной тесноте ютились их нищие жители.

Дома Сиротливой улицы полностью закрывали обзор. По крайней мере, Алоди могла чуеть запах океана, хотя отсюда его было не видно. С пристани доносились крики и проклятия. Большинство закоулков упиралось в тупик.

Где-то там, разевая рты, подыхала унылая рыба. В воздухе стояла вонь.

Одно хорошо в трущобах Кингспорта: никому ни до кого нет дела. Алоди шла по бульжной мостовой с пятнами плесени, немного отстав от своего кузена.

«Быстрой», — не оглядываясь, буркнул Бойс. Он ускорил шаг, даже сейчас не потрудившись сообщить, куда они так торопятся.

Бойс был старше, из главной ветви семьи — худощавый мужчина с таким внушительным носом, что его можно было узнать по одному этому носу, даже не видя лица. Бойс носил просторный плащ, чтобы прятать широкий меч. Алоди же туго затянула светлые мягкие волосы и надела старые перчатки, которые было не жалко. Рабочая одежда: они шли кого-то вразумлять.

Эта часть их «семейного дела» ей нравилась меньше всего.

На подготовку уходило много сил. Подобрать извозчиков для доставки; заставить их вызубрить, какие ящики открывать, а какие нет; научить, сколько сунуть стражникам, если заметят... У Алоди была хорошая память на детали, но контроль за каждой мелочью к концу дня выматывал ее до предела. Однако на свою долю она не жаловалась. И хотя бесконечные транспортные декларации раздражали, Алоди иногда удавалось разобраться с ними побыстрее и улизнуть пораньше. Чтобы разбавить повседневную рутину, она давала себе волю по ночам. Пару месяцев назад они с Линн напились до безобразия и написали коровьей кровью «Пожертвования для бедных» на кожаном пологе одной из повозок с грузом.

На следующий день от надписи не осталось и следа. Никакого наказания не последовало, об инциденте никто даже не заикнулся. Алоди потом часами посмеивалась про себя, представляя, как старуха-мать Бойса, глава семейного клана, с кислой как лимон миной злится, ругается и приказывает служанке все отмыть.

Вторая хулиганка, Линн, уже долго — слишком долго — оставалась единственным другом Алоди. Она точно не помнила, как они сблизились, но знала почему: Линн в душе романтик. Она с утра до ночи работала в мастерской, но всегда подбирала для них двоих наряды из лучшего шелка. Алоди ей завидовала. Но Линн хотя бы не принадлежала к семье. Ей не надо было никого вразумлять.

Семье приходилось так поступать только с самыми мерзкими людьми. Паразитами. Сначала они влезали в долги, потом брали займы, а потом пытались отвертеться от уплаты.

Причем Алоди в этом спектакле всегда предлагала пряник. Ее кузены иногда могли... слишком увлечься, поэтому ей выпадало договариваться о сроках и суммах, успокаивать опасения паразита, пока парни громыхали вокруг сапогами и переворачивали все вверх дном. Она бросала паразитам спасательный круг, чтобы они не успели себе навредить. Пусть даже большинство из них не заслуживали такой милости.

Вся эта процедура — то, что к ней приходилось прибегать — вызывала отвращение. Ну почему люди не могут просто жить по совести?

Бойс провел ее дорогой к Пустосаду. Они заворачивали за углы через каждые два шага, лавируя в узком лабиринте дерева и камня. Сквозь закопченные окна было не разобрать, наблюдают ли за ними с другой стороны. Понятно, почему хозяева не хотели их мыть: грязь скрывала мерзости, которые творятся внутри.

Окончательно запутавшись, Алоди почувствовала легкую дурноту. Она попробовала еще раз добиться чего-нибудь от Бойса: «Кто наш сегодняшний паразит?»

Бойс, как обычно, пропустил вопрос мимо ушей. Даже не подав виду, что слышал ее, он исчез за углом.

Обогнув его, она увидела, как Бойс поправляет что-то у себя под плащом. Он, к счастью, наконец остановился перед дверью приземистого коричневого дома, который...

Алоди в один момент забыла про тысячи досадных мелочей, которые бесили ее весь вечер. Ее сердце упало, а желудок чуть не вывернуло на мостовую. Пальцы от паники скрючились против воли.

На вечернем ветерке поскрипывала вывеска мастерской Линн.

Бойс улыбнулся Алоди желтыми зубами.

«Не раскисай, пташка, — сказал он. — Доверься инстинктам. Мы тут быстро управимся».

Он повернулся и пинком распахнул дверь.

ИМИ ФНИ ФПРАВДЫВАЛИ ЕЕ ФФДЧИНЕННФЕ
ФФЛФЖЕНИЕ, ХФТЯ ПРЕКРАСНФ ЗНАЛИ, ЧФФ
ФНА МФГЛА БЫ ВЕСТИ ДЕЛА В ФДИНФЧКУ.
ФЭТФМУ ФНИ ГФВФРИЛИ, ЧФФ ЕЙ НЕ
ХВАТАЕТ ИНСТИНКТФВ ХИШНИКА. УБИЙЦЫ.

«Чем ты думала, дура?» — орала Алоди своей единственной подруге.

Алоди радовалась, что не видит себя сейчас. Она знала, на что похожа со стороны. Брызгающая слюной, со вздутыми венами на шее и лбу, побагровевшим лицом. Жуткая картина.

Они привязали Линн к стулу, завязали руки позади и опрокинули, прижав ее к полу. Просто чтобы боялась. В мастерской все уже было перерыто. Кучи шерсти и кроличьего меха валялись вокруг ткацкого станка у дальней стены. Полоски кожи, свисающие неровными лоскутами; банки слежавшихся красящих порошков на единственном столе; разбросанная по полу солома. Из-за низкого провисшего потолка соседи сверху ходили у них над самой головой.

Напротив всего бардака стоял открытый шкаф с аккуратно сложенными отрезами тонкого шелка.

Алоди ткнула пальцем в шелк. Один из товаров семьи. Она обвела рукой комнату. «Все это дали тебе мы. Надо было всего лишь вовремя заплатить».

Линн не могла сдержатъ слез. От рыданий ее крохотное и круглое, как яблочко, лицо казалось еще меньше. Изящный сине-золотой платок перекрутился вокруг шеи; она припудривала короткие рыжеватые волосы порошком из лепестков розы и воском, украденным у дубильщика. Алоди знала это наверняка: она стояла на шухере.

Лицо Линн выражало мольбу. Хорошо. Значит, будет слушаться. Алоди положила руку на стул, будто собираясь его поднять. «Если достанешь нам две сотни через месяц...»

Бойс перебил ее. «Не можешь держать обещаний — не надо обещать». Хам. И даже не скрывает.

На лице Линн моментально отразилось возмущение. Хотя в таком положении, скорчившись под стулом, она вряд ли могла кого-то напугать.

«Да пошел ты, свиное рыло, — огрызнулась она. — Чтоб кошки твоей старухи сожрали ей глаза, а демоны сожрали кошек».

Линн не хамка, но никогда не стеснялась в выражениях. Не сказать, что она неправа: у Бойса страшная матушка.

Бойс ничего не ответил, просто распахнул плащ и достал молот. Одну за другой он разбил банки с краской, взрывая их дождем стекла и кобальтово-синих осметков. Линн закричала. Алоди прикрыла рукой глаза от осколков, осмотрела себя, не нашла порезов.

Бойс зачихал в Рот Линн тряпку, снова перевернул стул и направился ко столу.

«Перестань», — громко крикнула Алоди, пока он еще что-нибудь не выкинул.

«А то что?» — сказал Бойс, покачивая молотом. Он оценивающе переводил взгляд с Линн на Алоди, как охотник на загнанных жертв.

Алоди бросила взгляд на лицо Линн: открытый рот, распахнутые глаза, напряженно поднятые брови. Маска ужаса.

«Она выплатит все и еще сто золотых в придачу. Лично тебе, только между нами. За беспокойство. Через месяц. Да, Линн?»

Линн кивнула. В переговорах с паразитами это хороший знак. Один раз припугнуть, и...

Бойс медленно, многозначительно шагнул к Алоди, по-прежнему крепко сжимая в руках молот.

«Я думаю, урок не пойдет ей на пользу. Я думаю... — он намеренно растянул паузу, — Нам незачем проявлять снисхождение».

У Алоди бешено стучало сердце. Она понадеялась, что на ее лице ничего не отразилось. Теперь придется вразумлять их обоих.

«Хорошо, — сказала она. Линн заплатит через две недели. Я сама заберу. И буду месяц заполнять твои декларации». Уступка. Иногда полезно идти на уступки. Они показывают уважение к оппоненту.

«Все-таки нет в тебе инстинктов», — сказал Бойс, поудобнее перехватывая рукоятку молота. Сказал чуть ли не с грустью.

Его мать любила распространяться про инстинкты, так что Бойс не отставал. Ими они оправдывали ее подчиненное положение, хотя прекрасно знали, что она могла бы вести дела в одиночку. Поэтому они говорили, что ей не хватает инстинктов хищника. Убийцы.

Но у Алоди они были не хуже. Она уже не раз это доказала.

Но сейчас...

«Я думаю, если она отбирает наш хлеб, мы должны отобрать ее. Это будет справедливо». Бойс повернулся, поднял молот и посмотрел вниз на Линн, придавленную стулом.

Линн сжалась, что-то промычав из-под кляпа.

«Пожалуйста», — сказала Алоди.

Бойс схватился за стул, чтобы не дергался.

Алоди знала, что он надумал. Инстинкты взяли верх.

«Придурок. Если ты раздобишь ей костяшки, откуда она, по-твоему, возьмет деньги? Она...»

Он с силой опустил молот.

Линн в судорогах забилась под своим стулом. Вместо слов из ее рта вырывалась только бесформенная несвязная мешанина звуков. Не только из-за кляпа. Из-за нестерпимой боли, парализующей сознание.

Она дрожала и захлебывалась слюной, пока Бойс поднимал стул и развязывал веревки на запястьях. Суставы на правой руке Линн были размозжены в мясо. Кровь заливала их отовсюду — из-под ногтей, из множества мелких порезов там, где осколки прорвали кожу. Она раскачивалась взад-вперед, баюкая раненую руку.

Алоди не могла на это смотреть. Она перевела взгляд на Бойса: вид у него был совершенно спокойный, если не считать нескольких капель пота.

«Теперь мы ничего не получим, — ядовито бросила Алоди, ненависть его всей душой. — Наоборот, останемся в убытке, идиот».

Бойс только пожал плечами. «Она заплатит. Можно вернуть деньги быстрее, чем за две недели». Одной рукой он потянул Линн к двери. Она все еще была из-под кляпа.

От его равнодушия Алоди похолодела. «Куда ты ее уводишь?»
Что он с ней сделает? Сдаст в публичный дом? Продаст в рабство? С такой-то рукой?

Бойс снова проигнорировал Алоди. «Это теперь не твоя забота».

Он пнул к ее ногам рюкзак. В воздухе взвилась солома. «Уложи шелк, бери все ценное и иди домой. Поговорим завтра».

Лицо Алоди пылало. Надо его остановить. Ударить. Сделать хоть что-то.

Но он из главной ветви семьи.

Линн продолжала смотреть на Алоди, даже когда Бойс потащил ее из мастерской.

Алоди брела по трущобам, словно распарывая шов. Медленно. С усилием. Безуспешно уговаривая себя успокоиться.

Она никогда не пыталась помочь паразитам, если не получалось их вразумить, — ей было все равно. Но Линн не паразит. Или по крайней мере, не такой, как все остальные.

Паразита не хвалят за талант перед всей семьей. Паразита не приглашают сыграть в карты.

Когда у паразита водятся деньги, с ним не разгуливают по фешенебельным кварталам, затмевая нарядами даже аристократов. Не слушают лесь ловеласов и бардов. Не пропадают блаженными ночами так допоздна, что само солнце боится показаться на небе.

Паразиту не обещают всегда быть рядом. А он не обещает того же в ответ.

Может, Линн решила, что благодаря Алоди семья даст ей поблажку. Может, Алоди не хотелось ее переубеждать.

На этот раз она отстала от Бойса посылнее, не показываясь ему на глаза и прижимаясь к стенам многочисленных харчевен Сиротливой улицы, пока дорога через трущобы снова не пошла прямее. Алоди перебежками кралась позади — как шпион, а не хищник. Когда Бойс направился к еще нескольким

ночным теням и они зачихнули в повозку какой-то темный мешок, Алоди чуть заметно ускорила шаг. Еще не хищник, но уже не шпион.

Повозка ее кузена покатила по грязной мостовой к северо-западу. Четыре силуэта и повозка: намечается отправка груза. Далеко не одной только Линн.

Но они ехали не к пристани. По крайней мере, ее увозили не на Гиблый остров.

Алоди целый час без передышки шла за командой Бойса. Сначала через вечно разъявленные северные ворота с цветастыми сине-зелеными флагами, потом дальше по грунтовым дорогам. Она пробиралась во тьме, вздрагивая при каждом крике совы. Здесь уже не было трющоб и негде было спрятаться. Желтые точки факелов увели ее с дороги к лесу, где запах жирной гниющей земли вытеснил запах моря.

Она подождала. Пересидела пару минут, чтобы они отошли подальше, и снова двинулась. Алоди довольно хорошо представляла, куда они направлялись.

Семья держала перевалочный пункт в нескольких километрах от города, где Солтерский лес редел сильнее всего. Там можно было заменить извозчиков и груз перед следующей поездкой. Алоди не впервые шла этим путем.

Стоянка была хорошо спрятана у самой границы леса. Бойс отряхнул руки возле большой четырехколесной повозки. В паре метров позади виднелись еще две. Все они были затянуты простой кожей. Полог не закрывал заднюю часть, но внутри было слишком темно, и груз было не рассмотреть.

Алоди слышала фыркание и топот их лошадей, отдаленный разговор конвоиров. Она присела, низко пригнувшись к земле. Руки зарылись в лесную подстилку из червей, мха и помета. Колочий кустарник колот ей кожу.

Бойс и его помощники — тыквенная башка Лахлан и еще двое толстошеих — повернулись и потопали в темноту в ее направлении, помахивая увесистыми дубинками и держа факелы, которые при желании заменяли дубинки. Некоторые наемники перешли работать на семью из преступных банд, вспомнила она.

Они все шли абсолютно молча, с мрачными лицами. Обычно при сдаче груза возницы перекидывались злыми шутками. Или как минимум обсуждали, как потратят деньги. А эти еще и шагали быстрее, чем по пути туда, нервно озираясь по сторонам, как суслики. Им будто хотелось поскорее уйти.

ЧЕМ ХОРОШИ ИНСТИНКТЫ — ПОМОГАЮТ НАПЛЕВАТЬ НА ПОСЛЕДСТВИЯ.

Алоди резко прикусила язык. Она почувствовала прилив боли, наблюдая за приближением факелов. Факелы нужны, чтобы осветить тьму. Найти ее в кустах.

Она посмотрела на Бойса. Пристально, как никогда раньше. Он, конечно, из главной ветви семьи, но слабые места есть и у него. Черные зрачки почти целиком заполняли мягкое упругое желе его глаз. Воротник открывал для удара узкую полосу кожи на горле. Если бы она захватила дубинку, острую палку, хотя бы даже горсть осколков из мастерской...

Он шел прямо на нее. Алоди сжала кулаки, подобрала согнутые ноги. Если они ее найдут, хорошо бы ударить первой.

А потом что? Ей раздробят костяшки. Продадут на тяжелые работы. Бойс был прав от начала до конца: ей не хватало инстинктов. Она просто притворялась.

Или же надо было слушать их внимательнее. Его мысли весь вечер были поглощены чем-то другим. Правильно она тогда не настаивала на ответе, не вынуждала его быть начеку — это тоже было ей выгодно. Инстинкты не ввали.

Алоди бесшумно прижалась плотнее к земле.

Конвоиры проследовали мимо быстрым решительным шагом. Свет их факелов постепенно скрылся вдалеке. Как только ее снова укрыла тьма, она позволила себе вдохнуть. Три повозки заскрипели, раскидывая почву и грязь. Упряжные лошади, повинуясь взмаху хлыста, послушно потянули их вперед.

Подняться слишком рано — заметит семья. Но если лошади наберут скорость, она их никогда не догонит.

Не отводя глаз от помощников Бойса, мысленно уговаривая их не оборачиваться, Алоди подползла к ближайшей повозке. Она задержала дыхание, изо всех сил стараясь не закашляться от резкого запаха лошадей и лесной гнили.

На козлах каждой повозки между двух факелов сидел возница с длинным кнутом. Они крутили свои кнуты в руках, выкриками передавая друг другу команды. Свист. Крики. Суета. Передние лошади начали переходить на галоп.

Чем хороши инстинкты — помогают наплевать на последствия.

Алоди рванулась вперед. Поставив одну ногу на ступеньку с краю повозки, она подтянулась и забросила себя внутрь. Она приземлилась на живот, от удара перехватило дыхание.

Чему она порадовалась, рассмотрев, какой кошмар скрывался внутри.

Изнутри повозка оказалась настоящей пыточной тюрьмой. Наваленные друг на друга тела, придавленные к стенам. Скрюченные серые фигуры, натужно хрипящие при каждом судорожном вздохе, примотанные к железным столбам как кролики на убой. Некоторые босиком, с переломанными ногами и фиолетовыми суставами, или же расплюснутыми руками в месиве обвисших пальцев. У большинства на глазах повязки; кляпы во рту — у всех. Головы мотаются в оцепенении. В слабом свете факелов, пробивающемся сверху, в них едва можно различить людей.

Мать Бойса — вся семья, включая Алоди — перевозила самые разные грузы. Нелегальные, конечно. Но о таком она не догадывалась.

Алоди с отвращением втянула воздух.

Она не могла встать, и не только из-за бунтующего желудка. Повозка ехала слишком быстро. Лошади тащили ее прямо на север, где начинался густой лес. Через какое-то время в ту сторону можно будет проехать только верхом. Куда они едут, во имя всех Преисподних?

Алоди торопливо взгляделась в лица нескольких приговоренных, избегая оступевших взглядов тех, кто смотрел в ответ. Не узнала никого. Паразиты, наверное. Но ее паразитов среди них нет.

Она почувствовала истерический спазм, как от подступающих слез, но инстинкты помешали. Только от боли сжалось горло.

Линн валялась сзади, чуть не прижав собой двух других пленников. Глаза ее были закрыты, руки связаны, а рот заткнут кляпом. Она лежала неподвижно.

Алоди с усилием поднялась на корточки. «Тсс», — прошептала она

ВӨПЛИ ЗА СТЕНАМИ ПӨВӨЗКИ ПӨСТЕПЕННӨ
УТИХЛИ. ИХ СМЕНИЛӨ ХЛЮПАЮЩЕЕ
УТРӨБНӨЕ УРЧАНИЕ. АЛӨДИ УСЛЫШАЛА
БЕШЕНЫЙ СКРЕЖЕТ ПӨ ДЕРЕВУ, ЕЩЕ ӨДИН
ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ КРИК, А ЗАТЕМ
НАСТУПИЛА ТИШИНА.

пассажирам, приложив палец к губам. Она проговорила... Нет, не она. Ее голос звучал сам по себе. Для ясности она тыкала в себя и в Линн пальцами.

«Я за ней. Потом помогу вам». Как она могла помочь этим несчастным? Что это изменит?

В ответ раздался глухой стон. Дрожащий жалкий вдох у стены. Алоди не была уверена, что ее услышали. Или поняли.

Она прошептала таким приказным тоном, каким только смогла: «Ни звука».

Алоди чуть продвинулась вперед, следя за каждым движением своих рук и стараясь не задеть искалеченные конечности. Подползая к передней части повозки, она увидела, как у Линн задрожали веки, и с облегчением выдохнула.

Глаза Линн распухли. Но в ее взгляде Алоди заметила тень узнавания. Значит, ее не накачали наркотиками — повезло как одной из последних пленниц. Но тряпку во рту заменили на кожаный кляп, а обе руки были туго привязаны к столбу.

На ее правую руку невозможно было взглянуть без слез — изуродованную, фиолетово-желтую, распухшую. Само собой, сломана. Скорее всего, безнадежно. Ни один целитель не соберет столько кусочков обратно.

Листья и ветки царапали по бокам повозки. Деревья обступали дорогу все ближе. Алоди попыталась осторожно снять веревку с запястий Линн. Потом она снимет путы с ног и вынет кляп. А потом они сбегут.

Руки у Алоди дрожали, пока она возилась с веревкой. Пальцы совершенно не слушались, будто ей пришили чужие. По крайней мере, старые перчатки, которые не жалко, хорошо впитывали пот. Но узлов было слишком много. Веревка была слишком крепкая. Распутывание занимало слишком много времени.

От досады она попыталась перекинуть одну из петель через здоровую руку Линн. Та что-то проскулила через кляп и плотно зажмурилась, испуганно и часто дыша, с каждой минутой все сильнее мучаясь от боли.

Тут Алоди услышала крики возниц, и повозка начала замедляться. Она лихорадочно потянула за веревки Линн.

Свет от факела мигнул и исчез. Кто-то спрыгнул с козел на землю и захлопал по грязи. Алоди услышала, как кто-то обошел повозку, затем зазвенела снимаемая с лошадей упряжь. Топот и звон стихли. Возницы удалились.

В повозку никто не заглянул. Их что, бросили здесь?

Линн пыталась что-то сказать через кляп. Шутка про искалеченную руку была бы очень в ее духе. Красота, да? Или же она пришла бы в ярость. Имела полное право.

Алоди освободила здоровую руку Линн и выдернула изо рта кляп.

«Они нас не продали, — прерывисто прошептала Линн. — Мы приманка».

Снаружи донесся треск дерева, пробитого везде и сразу, словно многоголосый стук топоров огласил весь лес.

В воздухе прокатился одинокий крик ужаса. Его тут же заглушил целый хор.

Минута показалась часом. Вопли за стенами повозки постепенно утихли. Их сменило хлопающее утробное урчание. Алоди услышала бешеный скрежет по дереву, еще один душераздирающий крик, а затем наступила тишина.

Ее инстинкты вопили: «Беги!» Из всех чувств остался только страх. Дыхание обжигало горло. Она едва могла пошевелиться. Поэтому лишь тихо дрожала.

Свободной рукой Линн молча дергала за веревки на ногах. Ее усилия почти ни к чему не приводили. Пути слабели медленнее смерти, идущей за ними по пятам. Она никогда не развяжет их в одиночку.

Приговоренные начинали приходиться в себя, озирались затуманенными глазами, пытались отползти от столбов, выкручивали веревки и скользкие от пота кожаные ремешки.

Во всей повозке у одной Алоди хватало сил подняться на четвереньки. Хватало сил бежать. Линн посмотрела на нее пристально. С немым вопросом. Она имела право.

Линн только кивнула, когда Алоди склонилась и просунула палец под веревки на ее ногах. Они распутывали их, не говоря ни слова, как вдруг Алоди уловила шорох чего-то тяжелого, что медленно волокли по земле. Она не могла думать ни о чем другом, пока растягивала веревку на левой ноге Линн, раздирая кожу.

Передняя часть повозки раскололась напополам.

Во все стороны разлетелись щепки. Алоди в панике отползла назад, утягивая Линн за здоровую руку.

Повозка накренилась. Трое из приговоренных исчезли, вмиг сорванные со своих столбов в темноту. Крики вырвались из множества глоток разом.

Перед глазами Алоди промелькнули чернильные десны и многочисленные ряды зубов. Зазубренное черно-красное щупальце взметнулось среди обломков, перехватив ее через плечо. Она вырвалась, до боли напрягая мышцы, и оно уползло куда-то вслед за другим приговоренным. Алоди не смотрела на других пленников, просто тащила Линн вперед. Они вывалились наружу через проломленную стену повозки.

Линн ступала мелкими шажками, нетвердо держась на онемевших ногах. Плечо Алоди отдавало болью при каждом движении, когда они бросились в чащу незнакомого леса. Оглянувшись, Алоди увидела разбитые останки трех повозок, залитых красной, густой как желток кровью. Факел, упрямо продолжающий гореть, торчал с одной из них как свеча.

Тела тех, кого семья выбрала для жертвоприношения, валялись повсюду. Багровые веревки потрохов тянулись наружу, скомканные и перепутанные, как ниточки марионеток. Все они — мертвые, полумертвые и уже не мертвые — синхронно корчились на земле, повторяя каждое движение и каждый звук друг друга.

С тяжело стучащим сердцем Алоди уводила Линн по глиняной почве дальше в тени Солтерского леса. Инстинкты гнали ее все быстрее.

Чудовище с окровавленными когтями кралось по Солтерскому лесу. Оно скользило тихо как шепот, пригибаясь к земле.

Деревья разрезали лунный свет, но не могли его затмить. Глаза чудовища видели в темноте так же ясно, как днем.

Оно в который раз остановилось у свежих останков: два изуродованных трупа, жестоко распотрошенных зубами и когтями несколько часов назад. Немногие целые обрывки бывшей кожи покрылись шипами.

Тела лежали среди коричневатых пятен. Лежали неподвижно. Это было важно.

Чудовище потрясло тела, затем пробило одно из них кулаком. Труп с хлопанием вдавился в землю и застыл, по-прежнему одеревеневший и неподвижный.

Оно нависло над вторым телом. Повторило удар.

Этот труп широко раскрыл сломанные челюсти, откуда полетела гнилая слизь. Он царапал чудовище всеми конечностями, как умирающее насекомое. Даже в этом состоянии он бил со страшной силой. Острые шипы, выступающие из кожи, скребли по шкуре чудовища, но не могли ни за что зацепиться.

Чудовище провернуло лапой. Труп с треском обмяк. Вокруг его запавших глаз запеклась красная сукровица. Пока труп бешено бился, веки ни разу не открылись.

Поднявшись на ноги и попытавшись унюхать что-то за вонью сладкого дыма и разложения, чудовище нашло еще кое-что. Оно проследило взглядом по неровным следам от колес, уходящим в самую густую часть леса. Оно поковыряло когтями грязь, остановилось, вновь понюхало воздух.

Еще двое. Оба в крови.

Охоту придется продолжить.

Чудовище скрылось в вихре теней и исчезло.

Алоди и Линн бежали от неведомых тварей ночи. Их окружала крошечная тьма. С каждым шагом все новые деревья будто появлялись перед ними из ниоткуда.

Алоди направляла Линн обеими руками. А инстинкты направляли ее. Обе они лишь повиновались.

Они бежали, казалось, уже много часов, шарахаясь от хруста веток и рыков диких животных. Волоски на шее Алоди стояли торчком. За ней будто беспрестанно наблюдали невидимые глаза. Но откуда? И чьи?

Им приходилось останавливаться каждые несколько минут. Линн отставала и просила отдохнуть. Или же падала, когда Алоди не успевала ее подхватить. На этот раз кровь проступила сквозь ткань, которой они обмотали рану на руке.

«Оно ушло? Та... та тварь?» — спросила Линн. Она осела на траву, пытаясь дышать тише.

«Нельзя на это надеяться. Надо идти», — сказала Алоди.

Линн в ответ поморщилась и поправила импровизированную повязку. Она постоянно подтягивала ее, будто это могло что-то исправить.

«Ты еще легко отделалась. Бойс и не так людей калечил», — произнесла Алоди, поднимая ее на ноги.

«Ты наконец решила мне помочь? Сейчас?» — язвительно усмехнулась Линн, вставая с кустарника.

«Ну я же пришла за тобой, — сказала Алоди, изо всех сил стараясь удержать на ногах Линн и не свалиться самой. — Я бы тебе сказала, если б знала».

Линн молчала.

Уступки — это полезно. Она попробовала еще раз. «Если бы я вмешалась, они бы наверняка убили нас обоих».

Линн потрясенно уставилась на нее. Может, злясь на себя за наивное доверие к такой гадине. Может, еще сильнее злясь на Алоди за то, что она так хорошо притворялась.

«Знаешь, разумнее было бы заплатить вовремя». Алоди попыталась, чтобы

ЕЙ УЖЕ СЛУЧАЛОСЬ ВИДЕТЬ, КАК
ВОЗНИЦЫ ДОБИВАЮТ ЛОШАДЕЙ.
ПЕЧАЛЬНЕЕ ВСЕГО БЫЛО ДОВЕРИЕ В ИХ
ГЛАЗАХ. НО ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЭТО
МОЖНО ВЫБРОСИТЬ ИЗ ГОЛОВЫ. А ВОТ
ИЗВИВАЮЩИЕСЯ ТЕЛА ОКЛОТ ПОВОЗОК,
ИХ НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ МАРИОНЕТЧНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ... ТАКОЕ УЖЕ НЕ ЗАБУДЕШЬ.

это не прозвучало осуждающе. Не вышло.

Линн отпрянула от нее и поплелась сама. Так выходило еще медленнее.

«А тебе никогда не случалось оказываться на мели. Да, дорогая Алоди? — прошипела Линн. — На Сиротливой ко мне месяцами не заходило ни одного клиента. Я пыталась искать заказы в верхнем городе. У меня просто были временные трудности».

Алоди помимо воли поддалась инстинктам, почувывшим возможную победу.
«И ты решила свалить на нас свой долг?»

«Нас? — Линн не могла поверить своим ушам. — Ты знаешь, сколько у них денег. Ты всегда терпеть их семейку не могла. Какая тебе разница, если я просрочу плату на пару недель?»

«Никакой», — сказала Алоди, опомнившись. Она позволила ссоре сойти на нет. Линн заслужила от нее хотя бы такую мелочь.

Алоди протянула ей руку, чтобы помочь перебраться через кривые корни.
«Когда они придут бить тебе вторую руку, я заранее предупрежу».

Линн таращилась на нее, не находя слов, со страдальческим помертвевшим лицом. «Не смей об этом шутить».

Алоди перешла черту. Еще даже одной ночи не прошло.

«Пока я пару раз об этом не пошучу. — улыбнулась Линн. — Желательно на людях».

В этой части леса было потише. Посомневавшись, они перешли на

медленный шаг. Темп, который устраивал обеих.

За целый час они не услышали ни звуков погони, ни лесных обитателей. В лесу все смолкло, а ночь никак не подходила к концу и чаща все никак не редела. Они обе мелко дрожали.

Где-то вдалеке Алоди услышала знакомый звук. Тихое ржание умирающей лошади с полным ртом крови. Подойдя поближе, она увидела, что у лошади распорото брюхо. Линн отвернулась и закрыла лицо здоровой рукой.

Алоди остановилась, помогая ей поудобнее привалиться к дубу, и обыскала землю вокруг лошади. Она вернулась с факелом и огнивом, затем положила Линн руку на плечо. «Ты будешь?..» — спросила Линн, не договорив до конца.

Алоди пропустила вопрос мимо ушей. Поскорее увела ее прочь.

Ей уже случалось видеть, как возницы добивают лошадей. Печальнее всего было доверие в их глазах. Но по крайней мере, это можно выбросить из головы. А вот извивающиеся тела около повозок, их неестественные марионеточные движения... такое уже не забудешь.

Умирающее скулящее животное отвлекает на себя внимание. Тварь, которая на них охотится, может переключиться на другую добычу.

Она свернула в противоположном направлении, на ходу поддерживая Линн. К югу. Как минимум она надеялась, что это юг — за плотными кронами деревьев было не видно звезд. Рыхлая влажная земля понемногу сменилась камнем и осколками гранита, обдирающими ей подошвы. Линн теперь спотыкалась еще чаще, дышала тяжелее, шла с опущенной головой. Алоди и сама пару раз чуть не упала. В темноте они еле плелись, но Солтерский лес понемногу редел, пока они чуть не врезались в стену.

Напротив возвышалась холодная гранитная скала. В нескольких метрах чернел вход в пещеру. Укрытие.

Алоди накрыло облегчение. Постоянное ощущение чужого взгляда чуть ослабло.

ОНА С ВНЕЗАПНЫМ УЖАСОМ ОСОЗНАЛА, ЧЕМ НА
САМОМ ДЕЛЕ ЗАНИМАЛАСЬ ЕЕ СЕМЬЯ. АЛОДИ
ПОНИМАЛА, ЧТО ИНЕГДА ОТ ИХ ТОРГОВЛИ
СТРАДАЛИ ЛЮДИ. НО КАК МОЖНО СКАРМЛИВАТЬ
ИХ ЭТОМУ МОНСТРУ? АЛОДИ НЕ МОГЛА
ПРЕДСТАВИТЬ ЭТОМУ КАКБЕ БЫ ТО НИ БЫЛО
ОПРАВДАНИЕ. ДЕНЬГИ? ЗАЩИТА ОТ АППЕТИТА
ТВАРИ? КРОВНАЯ КЛЯТВА?

Алоди положила факел на сухие камни и склонилась над ним с огнивом. Она начала высекать из кремня искры и раздувать кривой кусок дерева. Получалось не очень-то профессионально, но она не в первый раз таким занималась. Факел занялся пламенем.

«Шутишь, что ли», — сказала Линн. Но она вся дрожала. В ее голосе слышался вопрос, а не протест. Она хотела услышать «Нет».

«Мы так и будем идти, пока не упадем? Безопаснее там, где никто не подкрадется незаметно», — объяснила Алоди. Она махнула Линн идти за собой.

Они осторожно вошли в пещеру. Алоди высоко держала факел над головой, ощупывая рукой стены пещеры. Какой-нибудь грот, где можно переждать ночь. Тогда они бы продержались. Они прибавили шаг. Надежда открыла им второе дыхание.

Факел вел их, как путеводная звезда. Алоди почувствовала, как он задел потолок пещеры. Ей хотелось поднять его повыше, чтобы осветить дорогу далеко впереди.

«Долго еще?» — недовольно спросила Линн. Как только у нее отступал страх, его место заполняла боль.

У Алоди так пересохло в горле, что ей пришлось дважды откашляться. «Надо зайти туда, откуда нас так просто не достанешь. Куда-нибудь попросторнее, чтобы наблюдать за входом». Алоди вовсе не чувствовала такой уверенности.

Просто не показывала виду. «Тогда я немного посижу на часах, послежу за факелом. А ты отдохни».

Начало туннеля, освещенное лунным светом, осталось позади. Стены пещеры были мокрыми и отсыревшими. Ее рука иногда соскальзывала на крошечных капельках воды, скрытых на камне. Алоди совершенно не улыбалось спать на голой земле. Но они должны были выжить. Линн должна была выжить.

Что-то чиркнуло по стене пещеры позади них.

«Т-с-с». Алоди посветила туда факелом, сосредоточенно всматриваясь. В полумраке возле них было пусто. Но звук донесся откуда-то дальше со стороны входа.

Они продолжили путь, забираясь вниз по туннелю, все дальше в пещеру. Впереди он разветвлялся на два.

Алоди выбрала левый, намеренно пропустив Линн вперед и чуть ли не пропихнув ее в туннель.

Еще один лабиринт в темноте. Алоди дошла до поворота, свернула направо — и обнаружила, что они вернулись к развилке. Пещера образовывала кольцо.

Звук, похожий на удар топора по камню, гулко прозвенел по туннелю.

Алоди парализовало от страха. Она замерла, сумев лишь указать Линн на правый проход. Больше у нее ни на что не хватило сил. Линн оглянулась на нее. Снова посмотрела перед собой. И похромала вперед. Поверив, что она не станет такой же умирающей лошадкой.

Оно не сможет загнать в угол их обеих. Алоди повернула во второй проход.

Она держала факел как можно выше, ухватившись обеими руками и стараясь не задевать мокрых стен. Меньше всего ей хотелось смотреть на то, что разодрало повозку на куски. Но ради надежды на спасение — придется.

Алоди услышала дыхание Линн, но вскоре вновь обогнала ее. Не было слышно ни новых шорохов, ни звонов. Или она наткнется на тварь, или Линн. Алоди шла за факелом по новому пути. Пока не заметила, что капли на стенах пещеры в чем-то изменились, и на секунду остановилась рассмотреть их поближе.

Они переливались, отражая нечто красное. Гораздо краснее света ее факела.

Алоди повернулась — и увидела перед собой тварь. Щупальца выпирали из

ее туши, как отростки пуповины. Рот с черными деснами щетинился клыками и бессчетным множеством языков, тоже покрытых акульными зубами.

Глаза как воронки — безжалостные, но осмысленные. Слишком разумные. Слишком человеческие. Ее пузо обхватывали обрывки изысканной парчи от светского костюма столетней давности. Алоди видела такие наряды в доме матери Бойса. Их передавали по наследству через много поколений.

Она с внезапным ужасом осознала, чем на самом деле занималась ее семья. Алоди понимала, что иногда от их торговли страдали люди. Но как можно скармливать их этому монстру? Алоди не могла представить этому какое бы то ни было оправдание. Деньги? Защита от аппетита твари? Кровная клятва?

Алоди отчаянно ткнула факелом перед собой. Огонь — оружие Света. Она махнула им перед собой, потом еще, потом бросилась вперед, прижимая факел к туше твари и пытаясь хоть немного держать расстояние.

Тварь не завизжала и не отпрянула, а просто пялилась на нее хищным взглядом, пока факел шипел об ее морду. Выбив факел из рук Алоди, она разорвала ей зубами горло.

Алоди медленно свалилась на пол, как камень оседает на дно пруда. Она хватала ртом воздух, но безрезультатно.

В дрожащем пламени упавшего факела Алоди увидела, как Линн бредет с другой стороны прохода.

Тварь повернулась, хлестнула двумя щупальцами, как кнутами, и Линн с криком рухнула на землю.

Щупальца подтянули ее тело ближе. Она готовилась пожрать свою жертву.

Голова Алоди лежала в липкой красной луже. Руки и ноги быстро немели. Она попыталась отвернуться, но не смогла.

Милосердная тьма пришла к ней слишком поздно.

Добыча наконец занялась едой. Отвлеклась.

Чудовище следило, как двое выживших после кровавой расправы шумно

пробираются через лес. У входа в пещеру та, что повыше, зажгла факел и подняла его над собой, как маяк.

Чудовище следило и за своей добычей. Старый вампир в обрывках человеческой роскоши. Умный вампир — заключил сделку с людьми в Кингспорте, не лезет на глаза, выменивает жертв на ценности, да еще и распространяет через побрякушки свою заразу.

Вампиром управляют примитивные желания. Он не умеет сдерживаться. Не принимает поражений. Он погонится за выжившими.

Он ловок. Чудовищу не хотелось бы сражаться с ним на открытом пространстве.

Но двое выживших зашли в пещеру. Дали загнать себя в угол. Предоставили удачный случай.

Запах крови тянулся из глубины пещеры.

Зебедея опомнился.

Он был высок, с крючковатым носом и длинными молочно-белыми распущенными волосами. На широком квадратном лице, простом и бледном, выделялась только самая очевидная отметина проклятия — впалые красные глаза в сетке из черных вен.

Зебедея носил отполированные доспехи с гравировкой, какие не стыдно надеть при Кеджанском дворе, с яркими красными щитками поперек живота. Цепочка с флаконом была затянута вокруг латного воротника. В пузырьке плескалась сине-зеленая вода из реки, у которой он чуть не испустил последний вздох в когтях зверей, которых решил отвлечь на себя. Ради спасения товарищей — наивысший подвиг, в чем он был уверен с далекой юности.

Его тяжелые доспехи смотрелись странно для охотника в Солтерском лесу. Для любого, кому надо быстро и тихо передвигаться среди деревьев. Но за десятилетия службы Кругу кровавых рыцарей он привык к такому облачению. Он вообще с трудом менял привычки — они срослись с его клятвой. *Всю до капли жизнь мою на алтарь борьбы со тьмой.*

Каждый раз, когда нести свою ношу становилось невыносимо, он обращался к клятве. Немногие по-настоящему понимали ее истинный смысл; Зебедея впечатал ее в свое сердце, вспоминая в минуты мук и сомнений. Он убивал падших товарищей и отсекал заразу от невинных, прежде чем она разрастется.

СВЕТЛОВЛАДЬСАЯ ДЕВУШКА. ОНА ПОКАЗАЛАСЬ
ЕМУ... ГОРДОЙ. ДАЖЕ НАДМЕННОЙ. И ВСЕ ЖЕ
ОН ВИДЕЛ, КАК ОНА БРОЛАСЬ С СО СВОИМИ
ИНСТИНКТАМИ. СЗНАВАЯ СВОЮ ЖЕСТОКОСТЬ,
ОНА В РАВНОЙ СТЕПЕНИ ПОЛЬЗОВАЛАСЬ ЕЮ И
ОТВЕРГАЛА ЕЕ.

Жизнь после жизни таила кошмары еще страшнее. Принять ее и остаться самим собой могли только рыцари с ледяной душой. Несгибаемой как лед.

Зебедия выдохнул мертвые слова в ночной воздух. Тени клубились вокруг него, как туман, приглушая скрежет его латных сапог по камню.

Крики из пещеры затихли, но Зебедия все еще слышал хрипкое урчание вампира за трапезой. Он быстро прошел по пещере, свободно отыскивая дорогу в полной темноте.

Туннель становился все уже, а урчание — все громче. У поворота он наконец увидел вампира, низко нависшего над жертвой. Его щупальца обвивали ее тело, присосавшись десятком пиявок.

Зебедия не думал, что кто-то из пассажиров повозки переживет резню, даже эти двое. Но если их смерть могла дать ему хоть небольшое преимущество против вампира, он не зря следил и выжидал. Самое главное — прикончить этого монстра. Все остальное неважно.

Зебедия мог приглушить свои шаги, но не запах. Вампир обернулся и вскочил на ноги, шипя и разевая рот с тысячью зазубренных языков.

Черно-фиолетовое копьё из твердой тени материализовалось в руке Зебедии, и он запустил его всей своей мощью. Вампир не успел увернуться: копьё уверенно нашло цель и пронзило тушу у самого горла. Его щупальца взметнулись в попытке ухватить тень, разьедающую холодную плоть.

Проклятье глубоко в душе Зебедии ликовало при виде раненой жертвы. Он задавил искушение.

Зебедия приблизился к вампиру тяжелой поступью, присогнув колени и зажав в латных перчатках длинное копьё. Ему не хотелось нюхать гнилую кровь, вытекающую из его ран. Надо было убить быстро, пока он не успел

регенерировать. Зебедея сделал выпад копьём, дважды пробил грудь вампира и напрягся для решающего удара...

Четыре зубастых щупальца скрутились вокруг его горла и рук, ключьями срывая плоть. Такой боли он не испытывал ещё никогда — сотни крошечных клыков вампира вспороти кожу зияющими ранами, и каждая из них горела обжигающим огнём. Щупальца сжались. Копье Зебедии выпало у него из рук. Он почувствовал, как его раздирают на куски.

Кольцо щупалец сжалось до упора, глубоко зарывшись в тело. Зебедея растекся лужей крови.

Вампир на минуту остановился, шипя и размахивая щупальцами. Он подполз поближе, покачивая ими, как пальцами. Затем повернулся обратно к своим жертвам и вновь вгрызся в их тела.

Позади него забулькала алая лужа, складываясь в бесформенную двуногую массу. Показалось копьё, зажатое в руке Зебедии с вырастающими поочередно пальцами. С возрожденного человеческого тела схлынула кровь, и он снова прыгнул к вампиру.

Зебедея пытался не смотреть, как раз за разом протыкает тварь. Но не находил сил отвернуться. Три раны. Четыре. Пять. Его странно завораживала их симметрия, идеально ровные фонтанчики красно-черного гноя, заливающего его доспехи. Он бил с упоением, предвкушая смерть своего врага и уже перестав считать удары.

Пока одно из щупалец не схватило талисман и не сорвало цепочку с латного воротника Зебедии. Этот вампир уже встречался с рыцарем крови. Он *знал*.

Зебедея упал на землю, поймав драгоценный талисман за секунду до того, как тот разбился об камень. Щупальца вампира опутали его со всех сторон, но не в них он бился, а в хватке проклятия. Кожа Зебедии растягивалась и менялась. Он покорился, разрастаясь в багровую массу из мышц и крови, не уступающую вампиру силой и ненасытностью.

Чудовище разодрало добычу пополам, отрывая щупальца и гниющую руку. Оно терзало ее кровавыми алыми когтями, в которые превратились его ладони.

Кровь заливала добычу с ног до головы. Она извивалась то в одну, то в другую сторону. Пыталась убежать. Тщетно.

Чудовище в ярости взмахивало когтями снова и снова.

Зебедия потряс головой, как собака. Его руки пульсировали в агонии. Среди всех якорей, за которые он цеплялся сознанием в попытке не потерять себя, боль отрезвляла лучше всего. Он молотил по стене пещеры так долго и так сильно, что выщербил камень на полметра.

Половина слезшей плоти вампира лежала перед ним. Вторая половина исчезла.

Кровавые следы тянулись из пещеры наружу. Он сбегал.

Зебедия зашипел и снова врезал кулаком по стене. Вампир двигался быстрее; хуже того, теперь он *знал* об охоте. Еще можно попытаться его поймать. Если пойти по следу прямо сейчас...

Одна из мертвых девушек на земле дернулась. Через пару секунд вторая. И снова.

Синхронно.

Кем они приходились друг другу раньше? Сестрами? Подругами, судя по их непринужденным спокойным разговорам?

Он пришел убить вампира. Помешать проклятию ползти дальше.

И все равно оно заразило новых жертв. Из-за его решений. Его несдержанности. Его проклятия, наложенного задолго до того, как он взял в руки копье.

Что есть первейшее благо? Наивысшее искупление?

Невысокая девушка с каштановыми волосами любила острые ощущения. Таким, с веселым нравом, всегда легче в жизни. Она верила в себя, даже не веря во весь остальной мир.

Светловолосая девушка. Она показалась ему... гордой. Даже надменной. И все же он видел, как она боролась со своими инстинктами. Сознывая свою жестокость, она в равной степени пользовалась ею и отвергала ее.

Уже что-то. Он положил копье и талисман на землю и опустил перед ними на колени.

Алоди задрожала. Задрожала всем телом. Оно жаждало двигаться, сбросить оковы мыслей и разума, заплясать в безумном танце, где каждая конечность извивается сама по себе. Ее зрение исказилось. Она смотрела будто из глубокого колодца — булавоочная головка света на фоне густой тьмы.

Вокруг проплывали видения. Беловолосый мужчина в красивых доспехах под слоем засохшей крови.

«Ты умрешь, — сказал он. В его голосе не было ни жестокости, ни доброты. Незнакомый выговор, лаконичная и быстрая речь. — Он отравил тебя. Перемены, которые с тобой произойдут, невозможно представить даже в кошмарах».

Он поднял над ней флакончик с зеленеющей жидкостью и откупорил пробку. Глаза ее застилала тьма и туман. Сквозь них его движения казались плавными и медленными. «Я могу подарить тебе покой».

Она захотела кивнуть. Одного желания оказалось мало.

«Или я могу подарить тебе время. Годы. Десятилетия. Может, даже дольше».

Тело Алоди словно плыло где-то далеко. Она едва слышала его слова. Но они проникали в самое ее сознание.

Он продолжил чуть громче. «Будет тяжело. Ничего, кроме тренировок и охоты. Ты умрешь чудовищем еще более мерзким, чем твой убийца. Ты встретишь свой конец так же. Неважно, сколько монстров убьешь и сколько жизней спасешь».

Сколько жизней спасешь. Она попыталась оглядеться в поисках Линн. Безрезультатно.

От его суровых слов у нее все содрогалось внутри. «Если желаешь очнуться и жить, клянись. Клянись на своей крови».

Алоди не могла говорить. Не могла пошевелинуться. Ее взгляд дал ему ответ.

Ритуал прошел в спешке. Песнопения, омовения из флакона, живая тьма пещеры, запускающая пальцы Алоди в глаза. Она то теряла сознание, то

приходила в себя, что-то говорила, слушала. В памяти остались только обрывки.

Встать было невероятно тяжело, но она все же встала. Вдохнула и выдохнула. Провела языком по зубам. Ничего необычного. Почувствовала биение сердца. Пульсацию крови. Посмотрела на беловолосого мужчину, сидевшего в нескольких метрах, скрестив ноги.

Между ними натекла лужица росы. Алоди поняла, что может видеть в темноте. Привычным жестом из старой жизни она посмотрела на свое отражение.

Уродливый шрам закрывал бывшую рану на шее. Ее глаза поблескивали, как свет сквозь рубины. Их окружали крошечные вены цвета могильной земли.

Она почувствовала боль от утраты себя прежней. Боль тут же угасла. Это в прошлом. Первое и самое главное — жить. Второе...

Лини резко села, как кукла. Ее руки безвольно свисали по бокам. Лицо пожелтело. Шипы прорвали кожу на шее и руках. Из ее горла вырвалось утробное звериное рычание.

Алоди еще никогда не чувствовала такой слабости.

«То, что ты сделал со мной. — сказала Алоди Зебедии, запинаясь на каждом слове. — Сделай с ней. Ты должен».

Зебедия покачал головой. «У нее заражение зашло слишком далеко. Скоро вампир окончательно подчинит ее разум. Прости. Я успел бы оживить только одну».

У Алоди остались только жизни, которые она могла бы спасти. Он сам так сказал. Он обещал ей.

«Мы... Если мы убьем вампира, она...». Ее голос звучал резче прежнего, как будто горло срослось не совсем правильно.

Зебедия перебил ее. «Как только начинаются серьезные изменения, ничего поделать уже нельзя».

Алоди затоснило. Непрошенные слезы подкатили к глазам. Как же она всегда ненавидела эту глупую сырость.

«Почему я? Почему ты не взял ее?»

Зебедия отвел взгляд. «Мы идем путем терний, и только стойкие духом выдержат его. Забудешь себя — пусть даже на секунду — и потеряешь все». — Когда он снова посмотрел на нее, в его взгляде появилась отрешенность. — «Я

чувствую в тебе эту решимость. У тебя, по крайней мере, есть шанс».

Она подошла к Линн, которая корчилась, как тела-марионетки у повозок. Пыталась подползти к Алоди непослушными руками и ногами. Издавала звуки, едва похожие на слова.

Алоди посмотрела ей в глаза. Ее зрачки покраснели и начали расширяться, перекрывая белки.

Линн не могла ей ничего сказать. И не могла ничего сказать хотя бы даже самой себе.

Роскошный сине-золотой платок на шее Линн был пропитан кровью и грязью до неузнаваемости. Алоди медленно развязала его, сняла с ее шеи и затянула вокруг собственной, прикрыв шрам. Ее талисман.

Она вновь посмотрела на Зебедию. Уже не спрашивая, а смиряясь. Он передал ей копьё.

Алоди направила его острием в сердце Линн. Подождала реакции. Проблеска доверия в глазах.

Слава богам, она его там не увидела.

Доверия.

Она закрыла глаза и дала инстинктам ударить.

